

УДК 821.161.1 + 821.0

А. Е. Козлов

Новосибирск, Россия

СОБЫТИЕ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ СЮЖЕТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена изучению события в структуре провинциального сюжета. На материале классической русской литературы и беллетристики исследуются основные провинциальные сюжеты и сюжетобразующие элементы. Анализируются разные уровни событийности, сопоставляется фабульная и металитературная событийность провинциального сюжета.

Ключевые слова: провинциальный сюжет, событие, событийность, русская литература XIX века.

Рассмотрение провинциального текста в аспекте его сюжетобразующих свойств позволяет говорить о развитии в русском литературном процессе устойчивого и вариативного сюжетно-мотивного комплекса, равно связанного с художественной и нехудожественной словесностью. По всей видимости, формирование комплекса провинциальных сюжетов начинается в 60-е гг. XVIII в., однако завершение этого процесса, в результате которого определился тематический репертуар, происходит в 40-е гг. XIX в. Предмет изучения настоящей статьи связан с частным свойством провинциального сюжета – событийностью – и событием как сюжетобразующим элементом.

Опыт последовательного описания события в провинциальном сюжете представляют многие статьи В. Г. Белинского, значительно повлиявшего на формирование устойчивых представлений о провинции и провинциальном в русской культуре. В частности, обратившись к этой теме в своем разборе «Обыкновенной истории», критик писал: «В маленьких городках жизнь однообразна, узка, мелка, все друг друга знают и если не враждуют между собою, то непременно пребывают в нежнейшей дружбе: средних отношений почти нет» [1, с. 548]. Уже в этой характеристике обозначаются семантические пределы сюжета: с одной стороны, мелочность жизни (и, как следствие, «узость» составляющих эту жизнь событий), с другой – отсутствие нормы.

Козлов Алексей Евгеньевич – аспирант кафедры русской литературы и теории литературы Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126; alexeukozlof@rambler.ru; +7 913 746 63 41)

Сюжетология и сюжетология. 2013. № 2. С. 18–23

© А. Е. Козлов, 2013

В монографии «Формы времени и хронотопа в романе» М. М. Бахтин фактически вступает в диалог с Белинским, описывая провинциальный город через ряд экспрессивных эпитетов: «Провинциальный мещанский городок с его затхлым бытом – чрезвычайно распространенное место свершения разных романских событий в XIX веке» [2, с. 325]. Характеризуя провинциальный хронотоп как «...густое, липкое, ползущее, в пространстве время», которое «...переплетается с другими, не циклическими временными рядами или перебивается ими» [2, с. 326], Бахтин описывает стержневой инвариант, определяющий свойства провинции в русской литературе XIX в. Специфика провинциального хронотопа, объединяющего зарубежную и русскую литературу, по М. М. Бахтину, заключается в циклической природе времени, что подразумевает постоянное повторение повседневных ситуаций. Однако дальнейшие размышления Бахтина позволяют расширить исходную семантику: «День никогда не день, год не год, жизнь не жизнь...» [2, с. 326]. Таким образом, топос провинции представляет собой мир антиномы, где искажаются привычные явления жизни. На уровне художественного текста это может быть связано с деформацией события, точнее событийного значимых частей сюжета. По мнению Бахтина, «провинциальное время бессобытийно... здесь нет событий, есть только повторяющиеся бывания» [2, с. 326]. Такая точка зрения находит развитие в отечественной нарратологии, где вслед за В. Шмидом под событием разумеют «фактическое и результативное изменение состояния» [3, с. 16].

Как полагает К. Баршт, в художественном тексте ожидаемое и заранее известное «...реже играет роль события, хотя такие случаи также есть» [4, с. 63]. Исследователь называет три значимых уровня событийности в художественном тексте: фабульный, сюжетный и метасюжетный.

По-видимому, существует достаточно много аргументов contra, исключающих возможность изучения фабульной событийности в провинциальном сюжете (отсутствие *необратимости*, *неповторяемости* и *результативности* события [5, с. 14]). Поскольку репертуар провинциальных сюжетов представляет конечный набор фабульных схем, их регулярное повторение в литературном процессе понижает событийную значимость. При этом само событие часто представляет нечто ложное по отношению к другим глубинным уровням событийности художественного текста.

Так, события частной жизни, как то: *сватовство* (благополучное / расстроенное), *супружеская измена*, *получение наследства*, – подчёркивают безрезультатность происходящих в провинциальном городе изменений. Представляя историю о нечестно разделенном наследстве, повествователь в «Портретной галерее» Н. Данковского замечает: «Сколько драм, сколько тайных мук и смиренных подвигов можно было бы перечест в открытом мире салона Немирского, если б я не взялся уже за описание одного эпизода, который пришел извне, на минуту нарушил однообразие провинциальных впечатлений и кончился самой обыкновенной историей» [6, с. 7]. Следуя тому же принципу повествования, завершает свой роман Н. Д. Хвоцинская, представляя череду предательств, разрушающих семейное благополучие: «Какой осадок все эти сцены, конечно забавные для зрителя, оставляли в душе действующих лиц? Странно, но можно почти утвердительно сказать: никакого» [7, с. 77]. В рассказах писателей чеховского круга – «Котле» К. С. Баранцевича и «Весною» В. А. Тихонова – представлено два семантически противоположных события: *супружеская измена* и *благополучное сватовство*. Оба события являются фактическими и результативными (хотя, безусловно, предсказуемыми), в обоих случаях используются мотивы разочарования и тоски. Рассуждая об измене жены, врач Иван Александрович неожиданно обращается к губернскому городу: «Вот это и был тот “котел”, в котором гибла всякая чистая,

свежая натура, в котором тонущие топили других и на поверхность которого по временам выплывала накипь в виде грязной истории какой-нибудь Анны Павловны, вовремя не успевшей спрятать концы» [8, с. 255]. Таким образом, событие измены заставляет героя иначе взглянуть на повседневность, отрешиться от нерелексируемого провинциального существования. Составляя текст телеграммы о скорой женитьбе, Леонид Кудряшов в рассказе «Весною» начинает думать о своем будущем: «Да, и тогда навсегда, на всю жизнь уже здесь – в этом Пустозерном переулке, в этом тесном ветхом домишке, по уши в мелких уездных дрязгах и сплетнях, в этой тине, в этом болоте!.. И прощайте навек радужные молодые грезы, университетские мечты, планы, предположения... Все прощай, – сам добровольно подстрижет он свои крылья и заживо замуравит себя в могилу!..» [9, с. 235]. То, что еще вчера рисовалось герою в соблазнительных красках и оттенках сегодня предстает как перспектива близкой смерти, открывшаяся духовная бездна. В конце произведения изменение состояния героя (которое в отличие от сватовства и свадьбы и является событием) отражается на тексте телеграммы: «Ну, женюсь, так уж, стало быть, и счастлив! – решил он, и слово “счастлив” было зачеркнуто» [9, с. 244]. Изменение первоначального текста, как и изменение состояния героя, показывает невозможность счастья и подчинение однообразному темпу уездной жизни. Несмотря на различия в фабульной событийности, произведения объединены общим мотивом экзистенциальной неполноты жизни. И в этом отношении экзистенциальное переживание оказывается событийно более значимым, нежели внешний ход действий, связанных с провинциальной повседневностью. В данном случае событийное значение определяется экзистенциальным переживанием (что реализовано на сюжетном уровне).

Таковыми же фабульно пустотными оказываются сюжеты, связанные с общественной жизнью героя: *ревизия*, *расследование преступления*, *обличение виноватых* и *агитация в провинции*. Эти ситуации часто связаны с определенной сопричастностью, «оживлением» провинциального города (своеобразная *интеллигентность* [10, с. 16] события). Например, в «Коляске», описывая полк на постое, Н. В. Гоголь замечает: «Городок Б. очень повеселел, когда начал в нем стоять *** кавалерийский полк. А до того времени было в нем страх скучно» [11, с. 175]. В том же модусе представлено событие губернских выборов в романе А. И. Герцена «Кто виноват?»: «В***, – впрочем, нет никакой необходимости астрономически и географически точно определять место и время, – в XIX столетии были в губернском городе NN дворянские выборы. Город оживлялся <...> мало-помалу помещичьи лошади перевезли почти всех главных действующих лиц в губернию» [12, с. 70–71]. Подобную картину оживления города предлагает первое описание во «Взбаламученном море» А. Ф. Писемского: «Губернский город, по случаю сошедшихся в одно и то же время баллотировки и рекрутского набора, значительно пооживился: на его длинных и заборами наполненных улицах стало попадаться, во всевозможных деревенских экипажах, много помещичьих физиономий» [13 с. 31]. Очевидно, что общность контекстов свидетельствует о создании клише, нивелирующих исключительность события. Дальнейшее повествование, как правило, опровергает результативность произошедшего действия: уходит в другой город бывший на постое полк, заканчиваются баллотировки и рекрутские наборы, завершаются купеческие ярмарки, пропадает внешнее оживление. При этом всё возвращается на круги своя и продолжает циклические «бывания». Возвращаясь к схеме А. Данто [14, с. 103], отметим, что t_2 , отделяющее t_1 от t_3 , наделяется нулевым значением, поскольку от t_3 происходит возвращение к t_1 .

Пример такого нулевого значения представляют события *губернских выборов*. Несмотря на значительное количество текстов, связанных с изображением этого явления провинциальной жизни, можно отметить, что доминанту составляют сю-

жеты, где выборы, несмотря на результат, ничего не изменяют в жизни общества и героя (исключение составляет комическая диалогия Г. Ф. Квитки-Основьяненко). Почти всегда в таком сюжете обозначен ложный характер выбора, что может быть истолковано в контексте взаимоотношений автора и героя в художественном тексте. Фабульная событийность, представляющая открытые возможности и свободный выбор героя, нейтрализуется на сюжетном уровне через событие осознания экзистенциальной несвободы. Именно этот мотив развивает в своих поздних рассказах А. П. Чехов, фактически отказываясь от фабульной событийности. Так, в рассказе «По делам службы» гаснет ситуация расследования и актуализируется внутреннее, невыразимое, «лиминальное» состояние Лыжина.

При видимой цикличности повседневного времени внутреннее содержание часто несводимо к простому повторению событий. Характеризуя повседневность в художественном тексте, К. А. Воротынцева приходит к выводу: «Повседневность обретает ценность с позиции внутритекстовой аксиологии лишь в том случае, когда подчиняется непреложным закономерностям бытия» [15, с. 278]. Данное наблюдение позволяет развить высказывание В. Шмида: «Изменения, являющиеся тривиальными по внутритекстовой аксиологии, события не основывают» [16, с. 82], – и предположить, что происходящее в провинциальном сюжете становится событием в том случае, когда связанное с бытовой повседневностью провинциальное время наделяется общим экзистенциальным значением. Если фабульный уровень представляет в провинциальном сюжете квазисобытие, событийно значимым оказывается собственно сюжетный и метасюжетный (далее называемый металитературным) уровень.

Металитературность провинциального сюжета является одной из его «заданных» категорий. Так, в «Тарантасе» В. А. Соллогуба и «Записках одного молодого человека» А. И. Герцена актуализировано не только внешнее событие, связанное с впечатлениями героя, но и событие фиксации (буквально «записывания») материала. В «Тарантасе» эта металитературность является сюжетообразующей: потеря книги путевых заметок совпадает с финалом художественного текста. В «Записках одного молодого человека» эта категория реализована иначе: художественный текст представляет попытку преодоления биографического сюжета. Кроме того, различные части записок маркируют значимые изменения личности. Например, описывая найденные тетради, повествователь замечает: «...вся третья тетрадь состоит из расходной книги, формулярного списка и двух доверенностей, засвидетельствованных в гражданской палате» [17, с. 284]. Таким образом, вступление в Малинов и провинциальная служба исключают поэзию жизни, противопоставляя ей прозу службы.

Металитературность провинциального сюжета в некоторых случаях носит метаязыковой характер. Следуя стернианской традиции, В. И. Даль во многих своих произведениях реализует аналогичный принцип, сущность которого заключается в борьбе фабульного и языкового содержания. Название глав в повести «Бедовик» имеет отношение к фабульному уровню, однако не находит фактического отражения в фабуле произведения. Соответственно, всё происходящее с Лировым (который не достигает ни Москвы, ни Петербурга) получает единственно возможное измерение – литературное.

Эти игровые варианты подготавливают серьезное литературное открытие, которое представляет «Обрыв» И. А. Гончарова. Многие сюжетные ситуации, использованные в романе, тривиальны и повторяемы (не случайно они осознавались современниками писателя как следование ранее созданному клише). Однако, входя в сознание Райского и становясь частью творимого им мира, эти ситуации внутренне обогащаются. Всё происходящее в жизни художника отражается в замыслах грядущего произведения, а наблюдаемые им люди – Татьяна Марковна,

Вера, Марфинька и Волохов – становятся персонажами его романа. Разговаривая с Аяновым в Петербурге, Райский замечает: «В роман всё уходит – это не то, что драма или комедия, – это, как океан: берегов нет, или не видать; не тесно, все уместится там» [18, с. 38]. Впоследствии, оказавшись в провинции, Райский буквально оказывается сопричастным мифологическому времени: «Над городом лежало оцепенение покоя, штиль на суше, какой бывает на море, штиль широкой, степной, сельской и городской русской жизни. Это не город, а кладбище, как все эти города. Он не то умер, не то уснул или задумался. Растворенные окна зияли, как разверстые, но не говорящие уста; нет дыхания, не бьется пульс. Куда же убежала жизнь? Где глаза и язык у этого лежащего тела?» [18, с. 182]. Провинциальный мир в сознании Райского становится «рамой» его будущего произведения; миф подготавливает дальнейшее творчество художника. Следующее дальше знакомство с Верой и Волоховым представляется сверхзначимым, поскольку, отдавая Волохову свой сюртук и заключая с ним пари, Райский фактически (хоть и неосознанно) делает Марка героем своего романа (начатый роман Райский называет «Вера»). В этом контексте уход Волохова эквивалентен изгнанию из произведения: «Он злился, что уходит неловко, неблагоприятно, хуже, чем он пророчил когда-то Райскому, что весь роман его кончается обрывом, из которого ему надо уходить, не оглядываясь, что вслед ему не послано не только сожаления, прощального слова...» [18, с. 728]. Рассуждения героя позволяют предположить, что обрыв в произведении является не только кризисным локусом, но и буквально представляет «обрыв» наррации. В аспекте изучения событийности творческая неудача Райского относится к фабульному уровню, в то время как наблюдаемые им явления составляют сюжет, который концептуализируется в сюжете творчества. Никогда не написанный роман Райского ценен имманентно как бытие («В роман укладывается вся жизнь» [18, с. 39], – утверждает Борис Райский); такая точка зрения показывает уникальность металитературной событийности в произведении И. А. Гончарова.

В заключение отметим, что изучение события позволяет «верифицировать» репертуар провинциальных сюжетов. Несмотря на то, что первичная типология таких сюжетов основана на изучении фабульной событийности (которая носит фиктивный характер), семантика события определяется на сюжетном и метасюжетном уровнях. Как правило, сюжетный уровень апеллирует к сознанию персонажа и представляет ситуацию значимого в экзистенциальном плане выбора. Метасюжетный уровень показывает, как это событие становится частью наррации: фактически экзегезис сюжета здесь нейтрализует диегезис.

Список литературы

1. *Белинский В. Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1948. Т. 3. 928 с.
2. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–408.
3. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры. М., 2003.
4. *Баритт К.* О трех уровнях событийности // Событие и событийность. Петербургский сборник. М.: Изд-во Кулагиной-Intrada, 2010. С. 63–79.
5. *Шмид В.* Событийность, субъект и контекст // Событие и событийность. Петербургский сборник. М.: Изд-во Кулагиной-Intrada, 2010. С. 14–23.
6. *Данковский Е.* Портретная галерея // Отечественные записки. СПб., 1857. Т. 110. С. 2–110.

Козлов А. Е. Событие в провинциальном сюжете русской литературы XIX в.

7. *Крестовский В. (Хвощинская Н. Д.)* Последнее действие комедии // Крестовский В. (Хвощинская Н. Д.) Провинция в старые годы: В 3 т. СПб.: Изд-во Суворина, 1884. Т. 3. 309 с.
8. *Баранцевич К. С.* Котёл // Спутники Чехова. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 214–222.
9. *Тихонов В. А.* Весною // Спутники Чехова. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 234–244.
10. *Тюпа В. И.* Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2001. 58 с.
11. *Гоголь Н. В.* Коляска // Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 3. С. 175–190.
12. *Герцен А. И.* Кто виноват? // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1955. Т. 4. С. 5–211.
13. *Писемский А. Ф.* Взбаламученное море // Писемский А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. СПб.: Изд-во А. Ф. Маркса, 1910. Т. 4. 325 с.
14. *Данто А.* Аналитическая философия истории / Под ред. Л. Б. Макеевой; пер. с англ. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришиной. М: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
15. *Воротынцева К. А.* Поэтика повседневности в аспекте действительности героя // Критика и семиотика. 2010. Вып. 14. С. 276–292.
16. *Шмид В.* Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. 353 с.
17. *Герцен А. И.* Записки одного молодого человека // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1955. Т. 1. С. 257–317.
18. *Гончаров И. А.* Обрыв // Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. М.: Наука, 2004. Т. 7. 772 с.

A. E. Kozlov

Novosibirsk, Russia

**THE EVENTS IN PROVINCIAL PLOT
(BY THE RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX CENTURY)**

The article is devoted to investigation of events in the structure of the provincial plot. Basic provincial plots and plot's elements are researched on the material of classical Russian literature and fiction. In conclusion the different event layers are analyzed story eventfulness and meta-literature eventfulness are compared.

Keywords: provincial plot, event, eventfulness, Russian literature of the XIX century.

Kozlov Aleksey E. – postgraduate student of the Russian Literature and Theory of Literature Sub department of the Institute of Philology, Mass Information and Psychology of Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk 630126; alexey-kozlof@rambler.ru; +7 913 746 63 41)